

О сестрах и собаках

Кира и Марта жили по принципу, однажды озвученному одной общей малознакомой женщине: «Это она все придумывает, – Кира ткнула Марту пальцем в левое надплечье, – а я за ней повторяю». Марта часто возмущалась тем, что стоило ей сказать какую-нибудь глупость, сестра тут же цеплялась за сказанное и носилась с ним, как с величайшим открытием, о котором надо рассказать всем вокруг. Это бешеное тиражирование безделицы постепенно обретало форму и смысл благодаря мелким дополнениям и поправкам, которые Марта неосторожно произносила вслух, а Кира тут же усваивала и прищлепывала их к формирующейся новой действительности. Со стороны казалось, что сестры жили в реальном мире, который они по прихоти украшали фантастическими образами и несуществующими словами, но на деле эта грань реального и воображаемого была слишком тонкой. Очень часто они целиком проваливались в свой придуманный мир и подолгу блуждали по причудливым коридорам, сидели в глубоких, но светлых колодцах или бегали по малиновым тропкам, лишь по необходимости возвращаясь в реальность.

Трудно сказать, с чего все началось. Кажется, дело было в подбородке. Марта недавно вернулась из Парижа в Москву и привезла с собой не только 23 килограмма официально дозволенного багажа, состоящего из кофт с вытянутыми рукавами и джинсов с протертыми промежностями, а также трех бутылок трехзвездочного красного сухого, бутылки коньяка в форме пантеры в прыжке, двух банок фуа-гра и квадратика твердого сыра, но и 10 килограммов жировых складок, неравномерно расплзшихся по ее телу. Больше всех пострадали живот и подбородок. Кира встретила сестру радостными воплями в их выхинской квартире, но вместо того, чтобы кинуться в объятия сестре, крепко схватила ее за выросший подбородок. Марта дернула головой в сторону и буркнула: «Не трогай моего хомяка». Кира с восторгом вцепилась в оброненную фразу и день за днем вылепляла из нее пушистого грызуна, пока Марта не смирилась с тем, что теперь они будут жить втроем – Кира, Марта и Хомчик.

Потом в их доме поселился кабан (Марта ласково называла его Каби) – к тому времени лишний вес перебрался на ляжки и ягодицы Киры, материализовавшийся в умах сестер в бурную дикую свинью, Марта же заметно похудела, причиной чего была безответная любовь, а следствием – постепенное усыхание и смерть пушистого хомячка. Иногда их квартиру населяли птицы, иногда – кошки, но чаще всего – неизвестные создания с несуществующими именами. Они возникали из ниоткуда, с течением времени они эволюционировали, становились более реальными и значимыми, их имена менялись, наступала высшая точка бытия, но потом всех их постигала одна и та же участь – они умирали, и смерть их была безболезненной и почти незаметной для сестер.

Единственным исключением, пожалуй, была пара собак, которая продержалась достаточно долго – около полугода. На новый год девочки, не сговариваясь, приобрели одинаковые подарки и обменялись парами теплых серых пушистых варежек. Внешне варежки было невозможно отличить друг от друга, но на ощупь пара, подаренная Кире, оказалась плотнее, так как была связана из более толстых ниток и куплена в небольшом

отделе фирменных шерстяных вещей. Варежки Марты были помягче и чуть тоньше, но все равно достаточно теплые, куплены они были у бабули, торгующей всякой мелочью у метро. Однако самое яркое отличие было в другом – запахе. Стоило только Марте впервые извлекать варежки в снегу и поднести руки к лицу, чтобы поправить капюшон, как она резко отдернула их, потом поднесла одну ладонь к носу и осторожно вдохнула – в ноздри ударил резкий запах сырой собачьей шерсти. «Кир, ты офигела? Ты мне купила варежки из собаки». Кира возмущалась такому предположению: «Ничего подобного! Ты скольких собак уже успела наглядеть? Вот варежки и воняют». Несмотря на внешний протест Киры, ее же стараниями собачья душа быстро вселилась в теплую серую шерсть. «Псинки» иногда убегали от хозяйки – Марта была настоящей растеряхой и то и дело оставляла варежки в разных местах, но несмотря на ее небрежность, «собаки» все же не потерялись.

Когда зима подошла к концу, собаки полиняли – шерстяные варежки были заброшены в глубину шкафа, а им на смену пришли тонкие трикотажные перчатки из мягкой багровой ткани с двумя пуговичками на запястье. Перчатки были не новые, и вскоре Марта заметила потертость на указательном пальце левой руки. Она написала Кире сообщение: «А у Джеки лишай». Так одна из собак приобрела имя и характер. Джеки оказался абсолютно невоспитанной собакой, которая носится по помойкам в поисках всякой гадости, бросается на людей и животных, тащит в дом грязь и мусор и очень много ест. Чтобы как-то обуздать пса, Кира стала ставить ему в пример вторую собаку – тихая и покладистая, она никогда не доставляла хлопот. Все чаще обращаясь мыслями и словами к этой собаке, Кира выращивала ее и делала более реальной. Однажды она всерьез обиделась на Марту, обвинив ее в том, что она не любит эту собаку, раз даже имени ей не дала. «У нее есть имя – знакомься, мистер Безымянный», – парировала Марта. Очень скоро Безымянный трансформировался в Безликого – дань обожаемому Хаяо Миядзаки, и спустя пару дней приобрел настоящее собачье имя – Безли или Безлик (с ударением на первый слог). Получив имя, собака стала жить своей жизнью и вести себя совсем не так, как ожидала от нее Кира. Безлик быстро усвоил все повадки Джеки и превратился в еще более хулиганистого пса. Уже было не понятно, кто из них затевает драку, кто притащил в квартиру дохлую мышь, раскидал вещи или набросился на соседскую кошку. Они стали словно проекцией Марты и Киры в их вымышленно-реальном мире – Безлик все повторял за Джеки, хотя Джеки нисколько не стремился к этому, и им обоим точно так же здорово доставалось от хозяек за дурацкие выходки, как в реально-вымышленном мире Марте и Кире доставалось от мамы за более серьезные проступки.

В середине марта Марта (она испытывала настоящую ненависть к этому месяцу по понятным причинам, люди часто спрашивали ее: «Ты что, в марте родилась что ли?»), – а она с невозмутимым видом отвечала: «В феврале») к ее собственному удивлению пошла на свидание со старым другом Сергеем. Это странно, но никто в ее компании не называл его Сережа, это было не принято, и она приняла это правило, как данность. У них были странные отношения – они очевидно нравились друг другу, но Марта всегда предпочитала ему других парней, а он спал с ее близкими и далекими подругами. Это

был очередной раз, когда они пытались сделать из своих отношений что-то нормальное. Сходяв на средне-скучную лекцию по живописи, они прошлись по городу и сели в неуютное кафе в Милютинском переулке. Погода была дрянная, еда холодная, свидание безвкусное. Когда темы для разговора иссякли (они крутились вокруг общих друзей и общих пьянок, а все личное, частное осталось невысказанным), они решили поскорее закончить эту бессмысленную встречу и избавиться друг от друга. Выйдя на морозную улицу, они быстрым пружинистым шагом двинулись в сторону метро, как вдруг Марта резко дернулась в сторону, чуть не потеряв равновесие, и побежала назад, выкрикнув абсолютно бессмысленную для Сергея и полную смысла и нежности для себя фразу: «Я забыла собак!» Перчатки лежали на подоконнике рядом с их столиком. Марта сжала их в кулак и громко произнесла: «Я с ума с вами сойду! Кира бы меня убила, если бы вы сбежали. Я знаю, кто в этом виноват. Джеки, сначала ты притащился с лишаем, а теперь решил слинять из дома!», – только тут Марта заметила, что Сергей уже давно стоит у двери и странно смотрит на нее. «Не обращай внимания, Сереж, это просто мои собаки». Это был первый раз, когда она назвала его Сережей, и последний раз, когда они ходили куда-нибудь вдвоем.

Дома Марта рассказал Кире эту историю и пообещала, что в скором времени выкинет собак на помойку – во-первых, она начала сходить с ума, а во-вторых, у Джеки лишай, он может их заразить, и вообще, позорно ходить в почти дырявых перчатках. Следующие две недели Кира уговаривала Марту не бросать собак, используя все мыслимые и немыслимые предлоги. Самый действенный, по ее мнению, был такой: ходить за Мартой по пятам в кигуруми-лисенке и жалобно приговаривать: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Марта это «ненавлила», а Кира пыталась убедить ее, что именно это она «навлит» больше всего. Закончилось все тем, что в один из вечеров, возвращаясь домой, Марта решительно пошла в сторону мусорных контейнеров, держа перчатки в вытянутой вперед руке, а Кира убежала домой, крикнув, что не может на это смотреть. Подойдя к контейнерам, Марта повертела перчатки в руках, вздохнула и сунула их в карман. Дома она подошла к нахохлившейся Кире, села вплотную к ней и стала тихонечко выть ей в ухо, приговаривая: «Слышишь, как наши собачки скулят на пами». Вдруг произошло то, чего Марта никак не ожидала – Кира по-настоящему сильно расплакалась. Марта быстро сбежала в коридор за перчатками и положила их сестре на колени, но ее уже было не унять. Слезы текли, как будто где-то внутри у Киры лопнула труба, и никто не знал, как залатать дыру. Чтобы хоть как-то успокоить сестру, Марта стала сочинять истории о собаках: где они родились, какие у них родители, они подробно описала внешность собак – Джеки оказался классическим английским бульдогом с шерстью облепихово-коричневого цвета с белыми пятнами (Марта любила почти всех собак, кроме чихуахуа, бультерьеров и бульдогов, но почему-то ее пес стал одним из них – еще одно доказательство того, что идеи художника живут своей жизнью помимо воли художника), а Безлик – белым пушистым щенком самоеда. «Нет, погоди, – все еще всхлипывая, остановила ее Кира, – Безлик не может быть маленькой собачкой, он очень большой». Марта легонько щелкнула сестру по носу: «Это он пока маленький, потому что щенок, а вырастет огромным. Самоеды – крупные собаки», – и сестры принялись рассматривать фотографии собак в интернете. Через десять минут Кира уже

забыла о том, что она совсем недавно рыдала навзрыд, и громко и весело спорила с сестрой, утверждая, что это именно Безлик заставил Джеки остаться в кафе тогда, в марте, когда Марта ходила на свидание с Сергеем, чтобы окончательно расстроить их отношения и чтобы Марте не пришлось потом нюхать его вонючий вялый член. О том, что он был вялым, рассказала одна из тех подруг, а про вонь Марта узнала сама – однажды она уснула у Сергея на коленях, а проснувшись, стала ворочаться и уткнулась в то самое место, на вдохе она почувствовала, как в голову просачивается кисловатый запаха не то мочи, не то просто немытого члена. Но это уже совсем другая история (я знаю, что вы поморщились, но милый рассказ о варежках-собаках был бы слишком милым, не будь в нем строчки о вонючем члене).